

В.Л.Васильев

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ИСТОКОВ ВОЛГИ И ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ: РОДНИКИ, МЕЛИ И ГЛУБИНЫ

Кратко охарактеризованы в аспектах этимологии и номинации три группы водных терминов, употребительных в микрорегионе истоков Волги и Западной Двины, а именно — наименования родников, мелких и глубоких мест в водоемах. В данной местности гидрографическая терминология отличается богатством и разнообразием, что связано с наличием на этом водоразделе огромного числа озер и с многовековыми традициями рыболовства на озерах. Автор уделяет основное внимание узколокальным, местным лексическим фактам. Наиболее подробно в статье раскрыто строение и происхождение таких терминов, как *ост* (*аст*) ‘родник, обычно подводный’, *на́лье* (*нальё*) ‘отмель на озере’, *суходо́н* ‘мелководный участок’. Данные термины сформировались в самых верховьях Волги и Западной Двины и отличаются архаичностью и непродуктивностью структуры.

Ключевые слова: гидрографическая терминология, истоки Волги и Западной Двины, этимология, словообразование, номинация

В истоках Волги лежит цепь Верхневолжских озер (Большой Верхит, Малый Верхит, Стерж, Вселуг, Пёно / Пено и Волго) и оз. Селигер. К Верхневолжским озерам близко примыкают озерные истоки Западной Двины, где имеются озера Карякино (Двинец), Охват, Волкота и др. Данный микрорегион, относящийся главным образом к Осташковскому и Пеновскому р-нам Тверской области, характеризуется расположением на крупном водоразделе (сюда приходится балтийско-каспийский водораздел не только Волги и Западной Двины, но и р. Полы, несущей воды в оз. Ильмень), обилием ледниковых озер причудливой конфигурации, с изрезанной береговой линией, множеством родников в озерах и истоках рек. Ландшафтные особенности нашли отражение в формировании богатой гидрографической терминологии микрорегиона, относящейся прежде всего к озерам.

Кратко охарактеризуем в плане этимологии и номинации элементы нескольких крупных лексико-семантических групп гидрографической терминологии данного микрорегиона, а именно — лексику родников, мелей и глубин, сосредоточившись на отдельных редких или ареально ограниченных фактах. Главным источником диалектного материала для настоящей статьи послужили словари, массово охватывающие диалектную лексику этой местности [1-3].

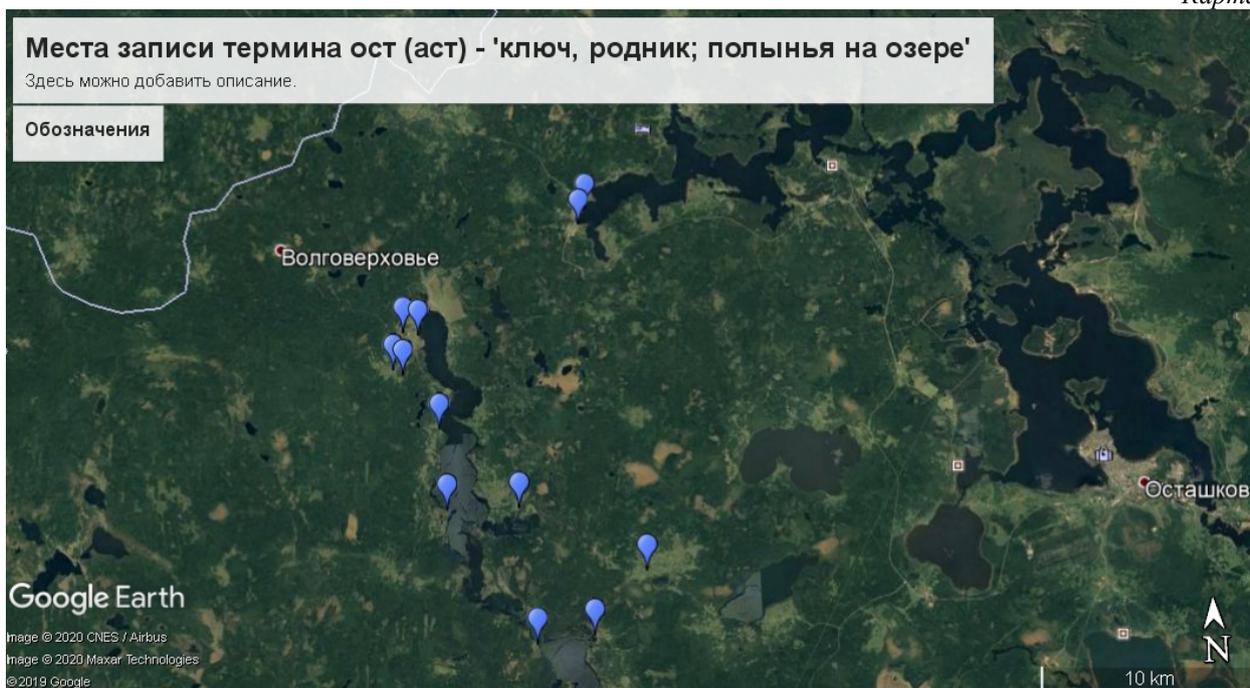
По данным указанных словарей, на весьма небольшую территорию истоков Волги и Западной Двины приходится более десятка обозначений *родников, мест* (в том числе *подводных*), где из-под земли выходит вода: *кипу́н, кипунóк, кипучий ключ, кипятóк, ключевина, ключень, ключóк, ключевник, ост (аст), родник, рунду́к*. Из них к узкоместным терминам в Волжско-Двинском межисточье следует отнести *кипятóк* ‘ключ, родник, выходящий из известняков’ Пен., Селижар. [1, вып. 3, с. 38; 2, вып. 2] (прочие перечисленные дериваты от *кипеть* известны во многих севернорусских говорах, см. [4, вып. 13, сс. 217—218]), а также *ост (аст)* и *рунду́к*. Последнее — *рунду́к* ‘ключ в лесу’ [1, вып. 6, с. 105] — специализировалось из диал. *рунду́к*, обозначения различных ящиков, помостов, деревянных площадок [4, вып. 32, сс. 260—262]. Поскольку над родниками нередко устанавливают деревянные настилы, термин *рунду́к* ‘ключ в лесу’ явно имеет метонимическое происхождение, благодаря переходу ‘настил над родником’ > ‘родник под настилом’. Это образование, впрочем, отмечено единственный раз (д. Малая Переволока Пеновского р-на), поэтому трудно судить об аутентичности термина.

Более интересен термин *ост (аст)*, имеющий выразительный узколокальный ареал на побережье верхневолжского оз. Стерж и ближайшего к нему северного плеса оз. Селигер (см. **карту 1**) и засвидетельствованный единственным диалектным словарем.

Согласно [1, вып. 1, с. 18, вып. 4, с. 259], *аст*, мн. *асты* — это ‘родник, ключ’, *ост*, мн. *осты / осты́* ‘полынья; незамерзающая часть реки или озера’, ‘ключ в озере’. Насколько мне известно, в иных регионах этого термина нет, и попыток объяснения его практически не предпринималось. Правда, в словаре [5, с. 61] заявлено о гипотетической связи верхневолжск. *аст* ‘родник, ключ’ с термином *алёс*, который, по мнению автора, идет от латыш. *alohts* (sic! надо: *aluots* — В.В.) ‘источник, ключ’. Но сближение этих лексем неправомерно ни с формальной стороны (фонетические различия и сходства между ними не закономерны, произвольны), ни с семантической: смол. *алёс* означает ‘мокрое, топкое место’, ‘сырой ольшаник’, поэтому *алёс* безусловно трактуется не из латыш. *aluots* ‘родник’, а из балт. **al(i)sa* ‘ольха’ [6, вып. 1, с. 158], ср. славянский аналог в рус. диал. *олёх* ‘сырое место, поросшее ольхой’. Если обратиться к семантической структуре термина, то его первичное значение, конечно, не ‘полынья’, а именно — ‘подводный родник, ключ’, поскольку полыньи появляются благодаря подводным ключам, а не наоборот. С точки зрения формы, лексема *ост* и *аст* легко отождествляются друг с другом, причем лексема *ост* является исходной. Ее плюральная форма колеблется акцентологически, и при сдвиге ударения на флексию в условиях аканья обобщение

«акающей» основы *аст-* (из [асты́]) по всей парадигме является вполне вероятным. Труднее объяснить происхождение рассматриваемого гидротермина. Встречающиеся в окрестностях Селигера диал. *ост* ‘острога’, *ост* ‘сорная трава, осока, осот’ и *ост* ‘остов, каркас здания’ [1, вып. 4, с. 259] семантически никак не соотносимы с *ост* ‘ключ, родник’ и не могли стать источником его образования. Рискнем, однако, предложить осторожную гипотезу, согласно которой данный термин родственен обозначению пчелиных сот: рус. *соты*, диал. *сот*, *сота*, блр. *соты*, укр. *соту*, др.-рус. *сѣтъ*, *сотъ*, мн. *сѣты*, болг. *сѣт*, диал. *сот*, сербохорв. *sat*, кайк. *sit*, словен. *sat* и т.п., к праслав. **sьtь*, см. [7, т. III, с. 728; 8, т. 5, с. 360; 9, кн. 3, с. 206]. Раннее др.-рус. *сѣтъ* ‘пчелиные соты’ в истории русского языка обобщилось двояким образом: в виде общерус. *сот(ы)* либо с утратой редуцированного и с дальнейшим закреплением протезы — в виде редкого южн.-рус. *ост(ы)*, ср. дон., кубан. *остовый* ‘сотовый’, *осты* (*осты́*) ‘соты’ [4, вып. 24, сс. 68, 94]. Эту редкую протезированную фонетическую форму, не исключено, как раз и передает верхневолжск. *ост* ‘ключ, родник’. Далее допустимы две семантические версии гипотезы о связи узколокального верхневолжского обозначения подводного ключа с обозначением пчелиных или осиных сот.

Карта 1

Во-первых, не исключена обычная метафоризация: подводный источник на желтом песке озерного дна мог напоминать часто встречающиеся соты (скорее не пчел, а земляных ос), которые, как и родник, скрыты под землей, имеют желтоватый цвет и испускают влагу — жидкий мед. Эта версия, предполагающая позднее возникновение водного термина, хромает не только из-за прихотливости метафоры, для которой не нашлось инолексемных подтверждений, но и потому, что исходное слово *ост* в значении ‘соты’ в Верхневолжье не встречено (говорят только *сот* ‘соты, делаемые в земле осами’ *сотовье*, *сотьѣ* ‘соты’ [1, вып. 7, сс. 161, 162]), как нет свидетельств о таком слове ни в псковских, ни в новгородских, ни и в прилегающих к ним говорах.

Вторая возможная версия исходит из того, что узколокальное верхневолжск. *ост* ‘родник’ является очень древним праслав. диал. образованием, реликтивно сохранившимся в микроареале Верхневолжья. Оно действительно родственно обозначению пчелиных сот (праслав. **sьtь*), но выступает независимым от него омонимичным континуантом, который специализировался как обозначение подводного ключа. Хотя **sьtь* не имеет общепринятой этимологии, на наш взгляд, наиболее убеждает возведение его к более ранней праформе **sь(p)tь* (< **supto-*), производной от **suti*, **sьpъ*, итер. **sypati* [10, кн. III, с. 219]. Исходный глагол обозначал ‘сыпать’ и ‘лить’ (ср. болг. *сипвам* ‘сыплю’ и ‘лью’, мак. *сине* ‘лить’ и ‘сыпать’, сербохорв. *сипати* ‘сыпать’ и ‘лить’, общерус. *сыпать* ‘сыпать’ и рус. диал. ‘лить, наливать’), и второе значение ‘лить’ могло быть унаследовано диалектным праслав. **sь(p)tь* (> верхневолжск. *ост* ‘подводный родник’), указывавшем на ‘место, где льется вода’. Разумеется, это естественная смысловая основа для номинации родника, изливающего воду; ср. хотя бы новг., арх. *ляло* ‘открытая вода, полынья среди льда’ [4, вып. 17, с. 232] и моск. *лёйка* ‘водяная воронка’ [11, с. 30, карта 117], семантически подобные рассматриваемому верхневолжск. *ост* ‘полынья над родником’.

Помимо исконнославянской версии, вполне допустима гипотеза относительно *ост* (*аст*) как о балтизме, заимствованном в местные верхневолжские говоры. Нельзя исключить, что термин идет от литов. *uostas*, латыш. *uosts* ‘устье реки’, ‘гавань’, а также и ‘рот’ [12, с. 92], к соотношению значений ср. родственные рус. *устье* (реки) и *уста* ‘рот’. Правда, балт. *uo* скорее должно было преобразоваться в слав. *a*, что давало бы первичную форму *аст*, а не *ост*. Версия балтийского заимствования предполагает метафорический переход

‘рот’ > ‘родник (на дне водоема)’, и такой переход весьма вероятен, поскольку соматизмы часто превращаются в географические термины (ср. *губа, голова, глаз, колено, спина* и мн. др., равно как производные от *рот* новг. лимнонимы *Ротно* и *Ротное*, прикрепленные к карстовым озёрам с воронками на дне).

Обращусь далее к другой группе гидрографической терминологии, самой многочисленной в микрорегионе истоков Волги и Западной Двины, а именно — к обозначениям *мелких мест, обычно в озерах: грѣва, лѹда, мелѣна, мелѣнка, мыс, нѣволок, нѣльѣ (нальѣ), нальѣм, намѡй, намѡина, намѡвина, отмѣл, отмѣлина, отмѣлистый, отмѣлок, отмѣлый, рѣло, перемѣчка, прогѣлок, рожѣна, свал, сѡпка, суходѡн, суходѡнный, сѹша, сушѣна, сѹшка, сушь, усѡх, усѹх*. Формирование богатой терминологии мелей (не менее 30 единиц) в местных говорах безусловно связано с рыболовством на озерах — традиционным занятием местного населения. На мелях круглый год хорошо ловилась некрупная рыба, причем устраивали даже искусственные мели: на мелководные участки набрасывали веток, коряг, что привлекало рыбу. Помимо широко распространенной русской терминологии песчаных и каменистых мелей (вариантные лексемы с корнем *мел’-/мел-*, лексемы *намѡй* с производными и *лѹда*, нередкое в севернорусских говорах) или, напротив, единичных метафорических номинаций (*рѣло* ‘длинная узкая отмель, коса’), широко применяется терминология, которая в иных местностях, как правило, является «сухопутной». Таковы *грѣва* ‘мелкий берег’, *мыс* ‘отмель’, *нѣволок* ‘мелкое место в озере, нанос песка на дне озера’, *перемѣчка* ‘мелкое место в реке, брод’, *прогѣлок* ‘брод на реке’, *рожѣна* ‘мелкое место в озере, подъем дна между двумя впадинами’, *сѡпка* ‘песчаная отмель под водой посреди озера’ [1, вып. 1, с. 201, вып. 3, с. 321, вып. 4, с. 20, 355, вып. 5, с. 157, вып. 6, с. 94, 112, вып. 7, с. 152], включая большой ряд образований с корнем *сух-/сох-/суш-* (*суходѡн* ‘песчаная или суглинистая мель с крепким дном’ [13, с. 274], *суходѡнный* ‘изобилующий мелководными участками (о реке, озере)’, *сѹша* ‘подводная песчаная мель’, *сушѣна* ‘подводная песчаная отмель’, ‘песчаная отмель, идущая от берега; коса’, *сѹшка* ‘подводная песчаная мель’, *сушь* ‘песчаная отмель, идущая от берега; коса’, *усѡх, усѹх* ‘мелкое место в озере, отмель’ [1, вып. 7, с. 246, 249-251, 370]). Стоит заметить, что такое разнообразие обозначений мелких мест на *сух-/сох-/суш-* наблюдается, по-видимому, только лишь в истоках Волги и Западной Двины; в других русских говорах данная терминология обыкновенно ограничена обозначениями возвышенных сухих участков суши или сухих деревьев, хвороста. Перечисленные номинации мотивированы признаками осушения мелководных участков озер во время понижения уровня воды. Пожалуй, лишь диал. *сухмѣнь* ‘мель, отмель’, широко отмечающееся в более северных псковских и новгородских говорах [3, с. 1166; 4, вып. 43, с. 6], см. еще [13, с. 274], обошло стороной истоки Волги и Западной Двины. Из данного ряда обозначений мелей кратко остановлюсь на интересном термине *суходѡн*, который особенно употребителен применительно к мелям верхневолжских озер Вселуг и Пено, там же и собственные названия мелей *Глубский Суходон, Курское Суходонье* и др. [14, с. 128]. Слово, похоже, возникло как раз в Приселигерье, откуда разошлось к северу и востоку, в новгородские говоры, где устоялось только с «сухопутными» значениями — ‘высокое сухое место’, ‘вид травы’ («трава на сухом месте»), там же *суходѡнный* ‘осушенный’ [3, с. 1166-1167]. Однако в значении ‘мелкое место’ этот приселигерский термин, возникший, похоже, сокращением адектива *суходонный*, безусловно наиболее старый и, вероятно, появился достаточно рано, в позднедревнерусское время, коль скоро следы его обнаруживаются в старых названиях рек на путях древненовгородской колонизации: р. *Суходон* в Карелии и, возможно, р. *Сѹхона* (из *Сухо-дѣна) в Вологодской области, — эти гидронимы характеризуют мелководья [7, т. III, с. 814].

Из терминологии мелей по своему происхождению наибольший интерес вызывает *нѣльѣ (нальѣ)* ‘подводная каменистая мель в озере, где водится рыба’, во множестве представленное в окрестностях оз. Селигер [1, вып. 4, с. 49] и примыкающего к нему с северной стороны оз. Вельѣ [13, с. 274], но почти отсутствующая на берегах соседних крупных Верхневолжских озер (см. карту 2).

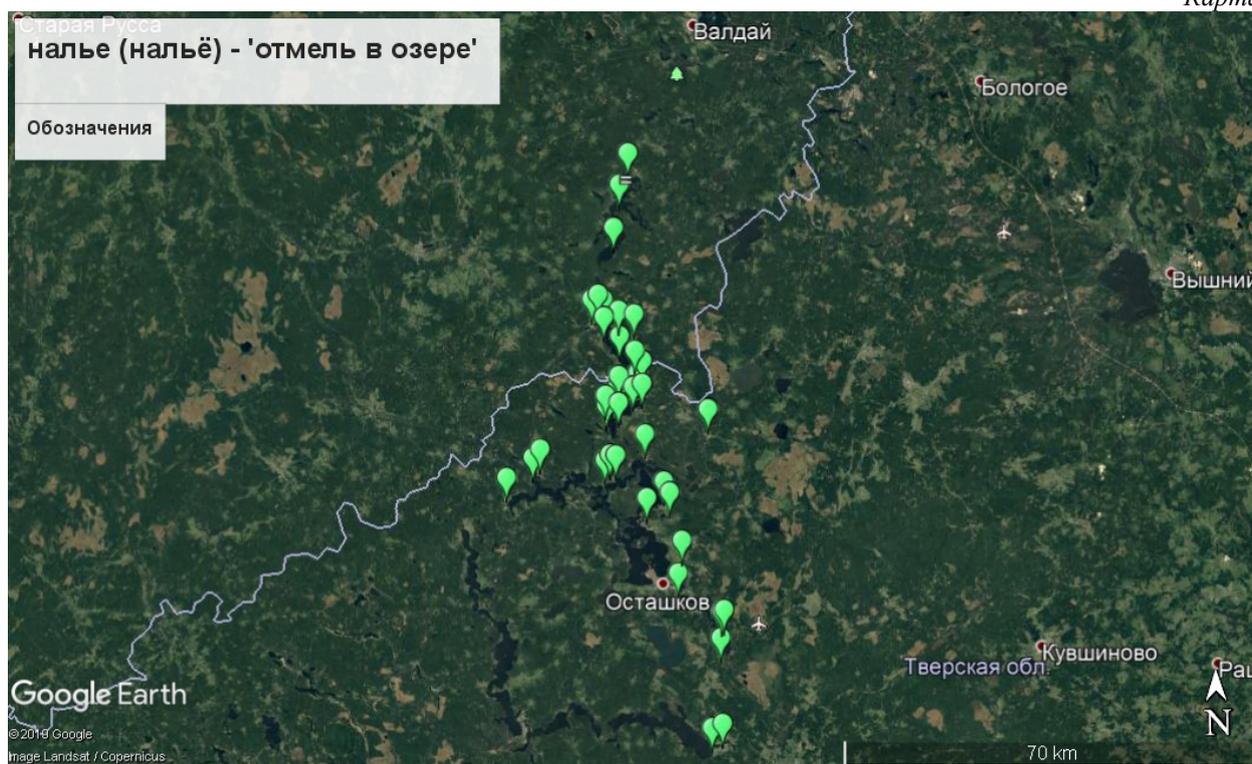
Эта лексема, выраженная несколькими фонетическими вариантами, в совокупности взаимосвязанных значений активно проявляет себя, хотя и в меньшей степени, чем в Приселигерье, в Псковской группе говоров и еще реже ее можно встретить в соседних новгородских; кроме того, от Селигера, слово отчасти распространилось на восток — в восточные тверские и смежные с ними ярославские и владимирские говоры. См. данные [4, вып. 20, с. 26-27]: *нѣльѣ* — ‘подводная каменистая мель в озере, реке’ Осташк. Твер., Яросл., Влад., ‘низменное место, заполненное водой, лужа’ Твер., Влад., Яросл., ‘старая бухта’ Опоч. Пск., *нальѣ* ‘груды камней, мелкий камень на дне озера, реки и т.п.’ Осташк. Твер., Калин., *нѣльѣ (нальѣ)* ‘подводная каменистая мель’ Осташк. Твер., Пустош. Пск., Новорж. Пск. На Псковщине, кроме того, отмечены: *нѣльѣ (нѣлия), нальѣ* и *наль* ‘мель посреди озера’ Пуст., Нев., Вл., ‘каменная отмель’ Нев., Н-Рж., ‘груда камней на берегу озера’ Локн., ‘каменная гряда в поле’ Локн. [15, вып. 20, с. 79]. Согласно [3, с. 606], *нѣльѣ, нальѣ* — ‘подводная мель’ Дем., ‘подводная каменистая мель на озере’ Валд., ‘низменное место, заполненное водой’ Ст., Новг.

Исходя из своей интуиции, В.И.Даль справедливо поместил *нѣльѣ (нальѣ)* в гнездо глагола *налиѣть, наливатѣть* [16, т. 2, с. 434]. Лексема является нерегулярным, специфическим дериватом: она образована от основы настоящего времени глагола *налиѣть*, др.-рус. *налиѣти* — *нальѣ-* (в формах *нальѣю, нальѣет* и т.п.) путем переоформления этой глагольной основы по структурной модели существительных с суффиксом *-ѣ*. В *нальѣ (нальѣ)* хорошо ощущаются элементы глагольных значений. Будучи и формально и семантически тесно соотносимым с исходным, мотивирующим глаголом, существительное *нѣльѣ (нальѣ)* передает две стороны глагольной семантики *налиѣть*, а некоторые значения термина явно обусловлены не семантической переходностью, а прямым влиянием значений мотивирующего глагола.

Во-первых, исходный глагол обозначает прежде всего ‘налить, наливать’, что обуславливает одно из первичных значений деривата *на́лье* (*нальё*) — ‘место, залитое («налитое») водой’. Отсюда, собственно говоря, прямо объясняется *на́лье* (*нальё*) в качестве обозначений низменных мест, заполненных водой, или луж, известных в ряде говоров. Это же исходно-этимологическое значение деривата *на́лье* (*нальё*) — ‘место, залитое («налитое») водой’ — специализировалось также применительно к обозначению мелких мест в водоемах. Термины мелководья *на́лье* (*нальё*) с точки зрения мотивировки антонимичны терминам на *сух-/сох-/суш-*, хотя и те и другие обозначают, в сущности, одно и то же. Мелкие места в водоемах при падении уровня воды осушаются, превращаясь в острова, а при разливе, напротив, заливаются водой. Таким образом, если термины на *сух-/сох-/суш-*, несущие устойчивый признак ‘сухости’, первоначально указывали на осушаемые мели, то *на́лье* (*нальё*), будучи обозначением заливаемых мест, специализировалось в качестве указания на залитые водой мели.

Во-вторых, исходный глагол *нали́ть*, *налива́ть* издревле развил значение ‘насыпать, наполнять’ (обратный смысловой переход показывает диал. *насыпа́ть* ‘наливать’, *сы́пать* ‘лить’, о чем шла речь выше в связи с верхневолжск. *ост* ‘подводный родник’), которое проявляется в говорах приселигерских и новгородских; ср. *налива́ть* ‘высыпать; наполнять что-либо чем-нибудь’ Новг., Волхов и Ильмень, Колым. [4, вып. 20, с. 14], ‘наполнить что-н., вычерпывая саком рыбу из невода’ Дем. [1, вып. 4, с. 47]. Ввиду этой глагольной семантики, *на́лье* (*нальё*) первично могло обозначать ‘место, где что-либо насыпано, наложено; насыпь’, и такой первичный смысл отглагольного деривата тоже специализировался для обозначения мелей, но мелей не заливаемых, а насыпных, чем-либо загроможденных. Действительно, в смысловой структуре термина *на́лье* (*нальё*) по говорам встречается немало указаний на мели, образованные наносами или россыпями камней. Более того, на мысль об обозначении нагромождения, наноса, наносной мели наталкивает описание денотата этого слова в Северном Приселигерье: «Налье — мелкое место на озере. Чтобы рыба водилась в одном определенном месте, где мелко, рыбаки-любители отдельные места на озере заваливают хвоей и ставят вежу. Зимой на таком искусственном налье любит водиться окунь, плотва. Лов рыбы идет здесь и зимой и летом» Дем. [3, с. 606].

Карта 2

Сходной с *на́лье* (*нальё*) номинацией является узколокальный термин *налым* ‘подводная песчаная мель на озере’, единично записанный в середине XIX в. где-то в окрестностях Осташкова [17, с. 122]. Перед нами тоже отглагольный дериват: либо от диал. *налину́ть*, ср. перм. *налину́ть* ‘налить’, ‘нахлынуть’ [4, вып. 20, с. 17], и, следовательно, *налым* — не что иное, как искаженное *налин, либо от общерус. *налива́ть*, и тогда это искаженное *налив; в пользу второго объяснения свидетельствует псковское народное название сорта яблок — *бе́лый на́лим*, или *бе́лый на́лым* [15, вып. 20, с. 65], равное общерус. *бе́лый нали́в*. В обеих версиях трактовки содержится, подобно *на́лье* (*нальё*), указание на мель, залитую водой.

Еще одна лексико-семантическая группа в микрорегионе Волжско-Двинского межисточья — **обозначения глубоких мест и переходов с мели на глубину** — не столь разнообразна, как обозначения мелей, но тоже достаточно представительна: *ви́рина*, *глы́зь*, *заво́динка*, *заглубинка*, *истру́га*, *низина*, *обва́л*, *обрё́док*, *обрё́зок*, *перепáд*, *свал*, *стан* (см. [1, вып. 1, с. 107, 175-176, вып. 2, с. 104, 108, 184, вып. 4, с. 133, 157, 193, 356,

вып. 7, с. 30, 196]). Перечисленные гидротермины сформировались различными путями. Помимо прямых обозначений глубин (*глыба* 'глубина, глубокое место в водоеме', *заглубинка* 'глубокая заводь'), здесь находятся образования путем переносов от 'водоворота' до 'глубокого места' (*вирина* 'глубокое место в водоеме, болоте; водоворот, омут' и, вероятно, *заводинка* 'глубокое место в реке', ср. пск. *заводина* 'водоворот' [15, вып. 11, с. 91, 97]). Пск., новг. *иструба* обозначает обыкновенно речные старицы, озерки, ямы с водой (см. [15, вып. 13, с. 348-349; 3, с. 354]), но в значении 'глубокое место в реке' устоялось только в истоках Волги и Западной Двины. Остальные гидротермины в приведенном списке распространены локально. Среди них *низина* 'глубокое место в озере рядом с подводной мелью', демонстрирующее перенос из надводного рельефа в подводный. Целый ряд номинаций отражает признак резких перепадов глубины в водоеме (*обвал* 'омут в реке', *обрёзок* 'переход от мели к глубине', *перепад* 'резкий обрыв на дне водоема, глубокое место', *свал* 'резкий переход от мели к глубине'), этот признак важен для рыболовства, поскольку на перепадах глубин держится рыба. Имеется наименование по месту скопления рыбы (*стан* 'глубокое место в озере, где рыба стоит подо льдом до весны'), а термин *обрёдок* 'яма в реке или озере' раскрывается как номинация глубокого места, которое приходится *обредать* (обходить) при ловле рыбы бреднем. Таким образом, отличительной особенностью группы узкоместных номинаций глубоких мест является отчетливая мотивационная связь с исконным рыболовным промыслом местных жителей Верхневолжья и Верхнедвинья.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01583 (К) «Созданные земли: История средневековых природных и культурных ландшафтов на Валдайском водоразделе» (№ 18-00-00838 «Историко-топонимическое отражение объектов ландшафта в междуречье Волги, Поли, Западной Двины и Днепра (в период с середины I тыс. н.э. до XVIII в.)»).

1. Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь / Гл. ред. А.С.Герд. Вып. 1—8. СПб.; Тверь, 2003—2020.
2. Тематический словарь говоров Тверской области: В 5 вып. / Гл. ред. Т.В.Кириллова. Тверь, 2003—2006.
3. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н.Левичкин и С.А.Мызников. СПб., 2010.
4. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин, Ф.П.Сороколетов, С.А.Мызников. Т. 1—51— М.; Л./СПб., 1965—2019—.
5. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019. 1064 с.
6. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1—13— М.; СПб.; Новосибирск, 2007—2019—.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с нем. и предисловие О.Н.Трубачева. М., 1986—1987.
8. Этимологічний словник української мови: У 6 т. Київ, 1982—2012.
9. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I—IV. Zagreb, 1971—1974.
10. Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1—4. Ljubljana, 1977—2005.
11. Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1990.
12. Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М., 1977. 227 с.
13. Никитин А.В. Топонимика тоней и мелей озер Новгородской, Псковской и Калининской областей // Ученые записки Московского областного педагогического института. Труды кафедры русского языка. Вып. 6. М., 1961. С. 265-287.
14. Никитин А.В. «Собственное» и «нарицательное» употребление некоторых ландшафтных терминов // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Т. VI. Вып. II. Новгород, 1962. С. 110-132.
15. Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А.И.Лебедева, О.С.Мжельская, С.М.Глускина, Л.А.Ивашко, А.И.Корнев, И.С.Лутовинова и др. Вып. 1—27— Л./СПб., 1967—2017.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.
17. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

References

1. Gerd A.S., ed. Seliger. Materialy po russkoy dialektologii: Slovar' [Seliger. Materials on Russian dialectology: Dictionary]. Saint Petersburg; Tver', 2003—2020, issues 1—8.
2. Kirillova T.V., ed. Tematicheskij slovar' govovor Tverskoy oblasti: V 5 vyp. [Thematic dictionary of folk dialects of Tver region. In 5 iss.]. Tver', 2003—2006.
3. Levichkin A.N., Myznikov S.A., eds. Novgorodskie oblastnoe slovar' [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg, 2010.
4. Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. Slovar' russkih narodnyh govovor [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad/Saint Petersburg, 1965—2019, vols 1—51.
5. Myznikov S.A. Russkie dialektnye etimologicheskie slovar'. Leksika kontaktnyh regionov [Russian dialect etymological dictionary. Contact regions vocabulary]. Moscow; Saint Petersburg, 2019. 1064 p.
6. Anikin A.E. Russkij etimologicheskij slovar' [Russian etymological dictionary]. Moscow; Saint Petersburg; Novosibirsk, 2007—2019, issues 1—13.
7. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Perevod s nem. i predislovie O.N.Trubacheva [Etymological dictionary of the Russian language / Translation from German and foreword of O.N.Trubachev]. Moscow, 1986—1987, vols I—IV.
8. Etimologichnij slovník ukraїn's'koї movi [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Kіiv, 1982—2012, vols. 1—6.
9. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Etymological dictionary of Croatian and Serbian language]. Zagreb, 1971—1974, vols I—IV.
10. Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika [Etymological dictionary of the Slovenian language]. Ljubljana, 1977—2005, vols 1—4.
11. Vojtenko A.F. Leksicheskiy atlas Moskovskoy oblasti [Lexical Atlas of the Moscow Region]. Moscow, 1990.
12. Nevskaya L.G. Baltijskaya geograficheskaya terminologiya (k semanticheskoy tipologii) [Baltic geographic terminology (towards a semantic typology)]. Moscow, 1977. 227 p.
13. Nikitin A.V. Toponimika toney i meley ozer Novgorodskoy, Pskovskoy i Kalininskoy oblastey [Toponymy of the fishing and shallows on lakes of the Novgorod, Pskov and Kalinin regions]. Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta. Moscow, 1961, issue 6, pp. 265-287.
14. Nikitin A.V. "Sobstvennoe" i "naricatel'noe" upotreblenie nekotoryh landshaftnyh terminov ["Own" and "common" use of some landscape terms]. Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Novgorod, 1962, vol. VI, issue II, pp. 110-132.

15. Lebedeva A.I., Mzheľ'skaya O.S., Gluskina S.M., Ivashko L.A., Kornev A.I., Lutovinova I.S. etc., ed. Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad/Saint Petersburg, 1967—2017, issues 1—27.
16. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1998, vols 1—4.
17. Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya [Attempt of the regional great Russian dictionary]. Saint Petersburg, 1852.

Vasil'ev V.L. Hydrographic terminology of the sources of the Volga and Western Dvina: springs, shoals and depths.

The article briefly describes from the standpoint of etymology and nomination three groups of water terms used in the microregion of the sources of the Volga and Western Dvina, namely, the names of springs, shallow and deep places in water bodies. In this small area, hydrographic terminology is rich and diverse, which is associated with the presence of a huge number of lakes on this watershed and the centuries-old traditions of lake fishing. The author focuses on narrowly local lexical facts. The structure and origin of such terms as ost (ast) 'spring, usually underwater', nalie (nalie) 'shoal on a lake', suchodon 'shallow-water area' are disclosed in the article in detail. These terms were formed in the very upper reaches of the Volga and Western Dvina and are distinguished by their archaic and unproductive structure.

Keywords: hydrographic terminology, sources of the Volga and Western Dvina, etymology, word-formation, nomination.

Сведения об авторе. Валерий Леонидович Васильев — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; НовГУ им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-4708-7786; vihnn@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.08.2020. Принята к публикации 25.08.2020.